

Н.А. КУПЕРШТОХ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ЛЕСА ИМ. В.Н. СУКАЧЕВА

Светлой памяти Г.С. Батыгина

Среди красноярских институтов есть уникальный, чье становление не связано с Сибирью. Организация первого в стране академического Института леса, который ныне носит имя своего основателя — академика В.Н. Сукачева, происходила в середине 1940-х годов в европейской части СССР, в Москве. В Сибирь этот институт попал в результате острейших коллизий в развитии отечественной науки в 1950-е годы. До сих пор обстоятельства, которые предшествовали переводу столичного научно-исследовательского учреждения (НИУ) в Красноярск, не являлись предметом специального исторического исследования. Нельзя сказать, что публикации об Институте леса отсутствуют вовсе. Благодаря усилиям старейшего сотрудника Е.С. Петренко подготовлено несколько интересных статей об институте к юбилейным датам [28, 38]. Цель данной статьи — показать переломный момент в истории Института леса и причины его реорганизации на основе анализа новых, ранее не введенных в научный оборот архивных материалов, воспоминаний ученых, документальных публикаций последних лет.

Куперштох Наталья Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН. Адрес: 630090 Новосибирск-90, ул. Ак. Николаева, 8, Институт истории СО РАН. Телефон: (8-383) 330-3148.

Электронная почта: skn@demakova.net

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 04-01-00527а «История научных центров Сибири во 2-й половине XX в.».

Институт леса АН СССР был организован в 1944 г., в самый разгар Великой Отечественной войны. Его появлению предшествовала большая подготовительная работа, начавшаяся еще до войны, которую вели советские биологи во главе с академиком Б.А. Келлером. Заслугой возглавлявшейся им Постоянной комиссии по проблемам леса и лесной промышленности стало активное формирование представлений о лесе как национальном богатстве страны, мощном ресурсе производственного потенциала. В апреле 1943 г. было принято правительственное постановление о классификации лесов и режиму лесопользования. Этот документ в очередной раз актуализировал необходимость серьезного и всестороннего комплексного изучения леса как в теоретическом, так и в практическом плане. Академики Б.А. Келлер, В.Н. Образцов, Л.А. Обели, Н.И. Скрябин, Е.Н. Павловский и др. выступили с инициативой создания академического Института леса. Подготовительная работа по его организации была поручена Владимиру Николаевичу Сукачеву.

В.Н. Сукачев (1880–1967) известен как ученый энциклопедической образованности, умело сочетавший теоретические и стационарные исследования. Ученик И.П. Бородина и Г.Ф. Морозова, он после окончания Лесного института в Петербурге много лет возглавлял кафедру дендрологии и систематики растений в родном вузе, а в первые военные годы — кафедру биологических наук в Уральском лесотехническом институте. В.Н. Сукачев и его труды — это целая эпоха в развитии отечественной биологии. О его жизни и деятельности существуют специальные публикации [6, 8, 19, 21], которые ставят его имя в один ряд с именами таких выдающихся ученых, как В.И. Вернадский, В.В. Докучаев, Л.С. Берг, Н.В. Тимофеев-Ресовский. В.Н. Сукачев — один из основоположников фитоценологии, учения о растительных сообществах, и основатель биогеоценологии, учения о лесе как сложной природной системе.

Научные заслуги В.Н. Сукачева были по достоинству оценены специалистами. В сентябре 1943 г. его избрали действительным членом Академии наук СССР по Отделению биологических наук (ОБН). После этого Сукачев приступил к организации Института леса. В декабре 1943 г. он выступил с докладом на заседании Президиума АН СССР, в котором представил задачи и структуру будущего института. В противоположность отраслевым институтам, академический институт леса ставил перед собой задачу всестороннего изучения леса и «разрешения больших, основных лесных проблем, требующих глубокой научной разработки и крупных теоретических обобщений». В феврале 1944 г. Академия наук приняла решение о создании Института леса при Отделении биологических наук. В августе этого же года СНК СССР утвердил научные направления и кандидатуру директора нового института [28, с. 4].

Вокруг В.Н. Сукачева начал формироваться коллектив специалистов, развернувших за короткое время комплексные междисциплинарные исследования. Первый директор тщательно подбирал преданных науке сотрудников — единомышленников, приемлющих взгляд на лес как на сложный природный комплекс — биогеоценоз. Структура института предусматривала развитие всех основных направлений лесоведения — геоботаники, почвоведения, зоологии, микробиологии, дендрологии, лесного болотоведения, полезащитного лесоразведения, лесной экономики. В институте стали работать ученые, сформировавшие впоследствии свои научные школы и направления. Среди них — будущие члены АН СССР–РАН Н.П. Дубинин, А.Б. Жуков, Л.А. Иванов, Н.И. Никитин, А.А. Молчанов, Н.И. Пьявченко, С.Э. Вомперский, Л.П. Рысин, профессора П.В. Васильев, Н.Е. Кабанов, Л.Ф. Правдин, С.В. Зонн, М.Е. Ткаченко, В.П. Тимофеев, С.И. Ванин, Н.В. Дылис и др.

В различных документах — отчетах, справках, пояснительных записках о деятельности Института леса зафиксирована его ведущая роль как научно-методического центра лесной науки СССР, основной задачей которого являлась разработка, прежде всего, теоретических основ лесного хозяйства страны, опирающаяся на стационарные исследования. В.Н. Сукачев активно содействовал организации сети стационаров в Московской, Воронежской, Волгоградской, Вологодской и других областях. В стационарах и опытных лесничествах велись многолетние наблюдения лесных участков с целью выявления динамических тенденций. До настоящего времени эти работы не потеряли значения и стали основой организации современного мониторинга лесов [21, с. 542].

Институт стал широко известен периодическими изданиями — «Трудами Института леса», «Сообщениями Института леса»; монографиями, многочисленными статьями, опубликованными как в Советском Союзе, так и за рубежом. Институт выполнял также роль центра подготовки и повышения квалификации кадров. Через несколько лет после организации первого академического Института леса в нем начал работать ученый совет по защите докторских и кандидатских диссертаций. Большинство отечественных ученых в области лесоведения и лесоводства получили степень доктора наук в этом совете: будущие академики А.Б. Жуков, А.С. Исаев, И.Ю. Коропачинский, П.Л. Горчаковский, члены-корреспонденты АН СССР–РАН Б.П. Колесников, А.А. Молчанов, Н.И. Пьявченко и др. [28, с. 4].

Исследования сотрудников института осуществлялись в сложных условиях. В военные годы скудость выделяемых на развитие науки ресурсов была объяснима. Однако и в послевоенный период институт

постоянно испытывал трудности в создании материально-производственной базы. В 1955 г. Институт леса, ранее располагавшийся хотя и в старом здании, но в центре Москвы, был переведен за пределы города — в старинное село Успенское. Вопрос обустройства на новом месте неоднократно поднимался на заседаниях дирекции и ученого совета института. В частности, в январе 1957 г. прозвучала острая критика в адрес руководства АН СССР: «Необходимо обратить внимание Президиума Академии наук на недопустимое положение, ставящее под угрозу срыва нормальную работу института; отсутствие технического тока, газа, изотопной, жилищных площадей, неудовлетворительное состояние с оборудованием лабораторий» [9]. По воспоминаниям сотрудников, несмотря на то, что условия для работы оставались далекими от нормы и что из Москвы на работу надо было добираться сложным путем — сначала электропоездом около часа, а потом, даже в сильные морозы, на открытом грузовике, — институт не покинул ни один сотрудник [21, с. 543].

Необходимо иметь в виду, что становление института и его последующая деятельность проходили на фоне не прекращающейся борьбы В.Н. Сукачева и его коллег с лысенковщиной. По образному выражению И.К. Захарова и В.К. Шумного, «биология в СССР с конца 1930-х гг. до конца 1950-х гг. была густо приправлена идеологией и напоминала поле боя» [17, с. 12]. О монополизме Лысенко в биологии, совмещенном со сталинскими методами борьбы с инакомыслием, существует обширная литература. Остановимся только на нескольких фактах. После

1948 . -

1944 ., " -

"

« »

. Он занимал высокое положение в науке, обладал огромным авторитетом, был академиком, директором Института леса АН СССР в Москве, президентом Всесоюзного ботанического общества, главным редактором «Ботанического журнала». Продолжал преподавать в Московском университете и возглавлял там кафедру ботанической географии.

От гражданской позиции Владимира Николаевича в борьбе со сторонниками «мичуринской биологии» зависело многое. Шла борьба, в которой по воле обстоятельств и в силу личных качеств В.Н. Сукачев не мог остаться в стороне. Естественно, судьбы и поведение ученых в этих обстоятельствах были очень разными, и их, по замечанию И.А. Захарова-Гезехуса, невозможно разделить ни на две («герои и злодеи»), ни даже на три категории («герои, конформисты, злодеи»), как это делают некоторые авторы, пишущие об истории

отечественной биологии и генетики [18, с. 179]. В данном случае о В.Н. Сукачеве можно смело сказать, что он относился к «героям» и был одним из тех, кто последовательно боролся с мракобесием Лысенко.

После сессии ВАСХНИЛ он не побоялся взять на работу опального Н.П. Дубинина, определив его в Комплексную научную экспедицию по полезащитному лесоразведению [26, с. 250]. В результате деятельности экспедиции, научным руководителем которой являлся Сукачев, были установлены негативные последствия широкого внедрения гнездового способа посадки деревьев для создания полезащитных лесных полос, предложенного Т.Д. Лысенко. Объективная оценка использования этого метода была изложена в записке В.Н. Сукачева, Н.Е. Кабанова и С.В. Зонна, направленной в конце 1951 г. в директивные органы [19, с. 247–250]. Ц

публикации Сукачева «О некоторых теоретических основах научно-исследовательских работ по полезащитному лесоразведению» («Лесное хозяйство», 1952, № 6). Выводы авторитетного ученого в области лесоведения не остались незамеченными на «самом верху». Вместо гнездового способа посадки деревьев Министерство лесного хозяйства СССР рекомендовало внедрять метод строчно-луночного посева и посадки лесных насаждений, разработанного под руководством академика Сукачева.

В 1952–1958 гг. в «Ботаническом журнале» и «Бюллетене Московского общества испытателей природы» (главным редактором последнего также был В.Н. Сукачев) публиковалась серия статей высококомпетентных ученых. В частности, Б.Л. Астауров в воспоминаниях пишет, что основные работы по искусственному партеногенезу и полиплоидии он опубликовал в «Бюллетене МОИП» только благодаря тому, что редколлегия в лице В.Н. Сукачева и В.И. Цалкина твердо отстаивала научные основы эволюционной теории и генетики [4, с. 140]. Интересно проследить, как на страницах курируемых академиком В.Н. Сукачевым изданий расширялся круг обсуждаемых вопросов, разрушались догмы лысенковщины и восстанавливались научные достижения, признанные биологами всего мира.

По мнению ряда исследователей, «оттепель» в биологии была санкционирована самим И.В. Сталиным после письма академика П.Л. Капицы от 30 июля 1952 г., в котором выдающийся ученый анализировал причины неблагополучия советской науки [22]. Началом «оттепели» можно считать то обстоятельство, что ученым официально разрешили проводить дискуссии по различным научным проблемам. В.Н. Сукачев как главный редактор «Ботанического журнала» открыл на его страницах дискуссию по поводу так называемого учения о виде Т.Д. Лысенко. Журнал давал возможность высказаться как

противникам, так и сторонникам этого учения. -
1952 г. (№ 6): . . . «
» . . . « . . . » о утверждению Ф.Р. Козлова, секретаря Ленинградского обкома КПСС, Сталин, ознакомившись еще до публикации с содержанием статьи Турбина, сказал, что у него создалось впечатление, что в этом вопросе товарищ Лысенко ошибается и надо его поправить [1, с. 120].

В № 1 за 1953 г. вышла статья В.Н. Сукачева «О внутривидовых и межвидовых взаимоотношениях среди растений», в которой он доказывал неправоту положений Лысенко об отсутствии внутривидовой конкуренции. Затем журнал опубликовал две редакционные статьи: «Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования и ее дальнейшие задачи» (1954, № 2) и «Расширять и углублять творческую дискуссию по проблеме вида и видообразования» (1955, № 2), автором которых был Д.В. Лебедев, разделявший взгляды В.Н. Сукачева [24, с. 267–268].

Именно в период биологической «оттепели» возникла надежда, что лысенковщину рано или поздно удастся преодолеть. Для этого сложились объективные предпосылки. В передовой научной среде росло понимание того, что десятилетия монополии Лысенко нанесли непоправимый вред не только биологической науке, но и престижу страны. К середине 1950-х годов на фоне бурного развития физических и химических наук в стране и за рубежом, впечатляющих успехов в мировой генетике и молекулярной биологии позиция Лысенко стала восприниматься как средневековое мракобесие. Теперь во властные структуры стали поступать не единичные письма отдельных ученых, а коллективные заявления, в которых говорилось, что Т.Д. Лысенко, имея большие административные возможности, тормозит развитие биологии и под прикрытием «мичуринского учения» выгоняет крупных ученых из вузов, не пропускает в печать книги советских генетиков и переводы книг зарубежных авторов.

В октябре 1955 г. в ЦК КПСС поступила докладная записка АН СССР «Важнейшие задачи развития науки в шестой пятилетке», подписанная президентом Академии наук А.Н. Несмеяновым и заместителем председателя Гостехники В.А. Малышевым. В документе прямо говорилось о неблагоприятном положении в биологии, особенно в цитологии и генетике [31]. Под влиянием общественного мнения начало меняться отношение к Лысенко у партийных функционеров, курирующих науку. Так, в ответе на одну из жалоб Лысенко в Центральный Комитет партии Отдел науки ЦК КПСС констатировал, что в высказываниях его оппонентов нет ничего противоречащего марксизму-ленинизму, и посоветовал ему самому активнее отстаивать свои научные взгляды [29].

Самым ярким документом, подготовленным научной общественностью в период биологической «оттепели» (1955 г.), является «Письмо 300», полный текст которого опубликован недавно в Новосибирске на страницах журнала Вавиловского общества генетиков и селекционеров России — «Вестника ВОГиС» [16]. Письмо подписали почти три сотни ученых, среди которых были известные физики, математики, химики, биологи. С короткой сопроводительной запиской, подписанной П.А. Барановым и Н.П. Дубининым, текст передали в Президиум ЦК КПСС. Нетрудно догадаться, что свою подпись под этим документом поставил и академик В.Н. Сукачев.

«За последние два года, — говорилось в письме, — положение в биологии изменилось к лучшему. Об этом свидетельствует публикация ряда статей, содержащих острую критику большинства положений Т.Д. Лысенко и О.Б. Лепешинской, разоблачение Г.М. Бошняна, организация в системе АН СССР цитологических лабораторий и др. Однако наметившийся сдвиг является совершенно недостаточным, он имеет ограниченный, во многом локальный характер. Тяжелые последствия монопольного положения в науке Т.Д. Лысенко до сих пор не ликвидированы, в результате чего советская биология и сельскохозяйственная наука в целом значительно отстают от уровня развития мировой науки... “Вейсманизм–менделизм–морганизм” — пугало, придуманное Т.Д. Лысенко и его сторонниками; оно создано ими для того, чтобы под предлогом борьбы с идеализмом клеймить своих противников в любых областях биологии и порочить достижения ряда биологических дисциплин: генетики, цитологии, биоценологии, экологии и др.» [16, с. 15, 18]. Текст письма так и не появился в печати по той причине, что его содержание Н.С. Хрущев охарактеризовал как «возмутительное» [35, с. 547].

После XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина, ученые в открытую заговорили о пагубных последствиях августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. для развития биологической науки. В 1956 г. вначале на собрании по поводу выборов президента АН СССР, а затем на Общем собрании АН СССР были даны публичные отповеди Т.Д. Лысенко. Президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов охарактеризовал суть лысенковщины: «... в нашей биологии стала укореняться привычка решать спорные научные вопросы путем зажима и подавления научных противников, наклеивания ярлыков и тому подобными ненаучными способами». В прениях прозвучали яркие выступления академиков Л.А. Арцимовича, И.Е. Тамма, В.А. Энгельгардта, А.П. Александрова и др., которые ратовали за свободу дискуссий и создание условий для быстрого прогресса основных отраслей биологии [33, 36].

некоторые перестановки в

структуре управления наукой: в 1956 г. Лысенко сняли с поста президента ВАСХНИЛ (хотя и ненадолго), а в январе 1957 г. п

. Академика А.И. Опарина в руководстве Отделения биологических наук АН СССР сменил выдающийся биохимик В.А. Энгельгардт, инициировавший

1956–1957 . [25, . 630]

1957 .

— . . . [23, . 836].

отделом науки ЦК КПСС В.А. Кириллина была организована комиссия для проверки деятельности Института генетики, возглавлявшегося Т.Д. Лысенко, и его экспериментального хозяйства. В комиссию вошли ученые, в искренности и авторитете которых никто не мог усомниться — академики В.А. Энгельгардт, В.Н. Сукачев, П.Л. Капица, М.А. Лаврентьев и др. [5, с. 149–150].

Однако выводы комиссии «легли под сукно» из-за нового возвышения Т.Д. Лысенко, теперь уже под покровительством Н.С. Хрущева. О феномене Лысенко и его талантах манипулятора написано много; из литературы можно понять, почему Трофим Денисович остался ближайшим советником Хрущева по сельскому хозяйству. Как верно подметили В.Ю. Афиани и С.С. Илизаров, «трудно сказать, чего здесь было больше — недоверия и подозрения по отношению к большой и непонятной науке... либо полуслепая вера Хрущева в чудо, умело подогреваемая таким своим, понятным, “великим ученым” Лысенко» [3, с. 170].

Лысенко атаковал своих противников с новой силой. В интервью одной из газет агрономического профиля «колхозный академик» объявил учение о биогеоценозах В.Н. Сукачева идеалистическим, метафизическим и реакционным и намекнул на то, что в плохом состоянии сельского хозяйства страны виноват Сукачев с его теорией биогеоценологии [8]. В 1956 г. прокатилась волна ликвидации академических институтов леса в союзных республиках с переводом их сотрудников в ведение отраслевых институтов. В.Н. Сукачев как директор Института леса АН СССР написал несколько писем в различные инстанции о недопустимости ликвидации академических институтов в Белоруссии и на Украине, а также перевода академических лесоводческих отделов и лабораторий на Дальнем Востоке и Сахалине в отраслевые институты, находящиеся в сфере влияния Лысенко. Это возымело обратный эффект: у Института леса отобрали Деркульскую опытную станцию по полезащитному лесоразведению [10].

От сторонников Т.Д. Лысенко в Отдел науки ЦК КПСС шли постоянные упреки, что Институт леса не выполняет или плохо выполняет ведущую функцию в своей области знаний, а Отделение биологических наук ему в этом потворствует [32]. Теперь, когда Лысенко вновь обрел могущественного покровителя, партийные чиновники с особым рвением отслеживали все, что касалось деятельности В.Н. Сукачева и его института, и спускали в ОБН директивы соответствующего содержания — разобраться, почему институт слабо связан с производством.

В ответ на это В.Н. Сукачев не уставал повторять, что Институт леса является головной научной организацией страны по вопросам лесоведения и лесного хозяйства и в своей научно-исследовательской работе опирается на широкую сеть опытных станций и лесничеств. Координация работы осуществляется через тесные контакты, с одной стороны, со смежными научными учреждениями Академии наук, с другой — с сетью отраслевых НИИ и кафедрами ведущих лесных вузов страны [11, л. 19–19 об.]. На требование пересмотреть структуру института дирекция отвечала, что структура института на данный момент оптимальна и в этом нет необходимости.

Принципиальность академика Сукачева проявлялась в экспертизе правительственных документов по реформированию народнохозяйственного комплекса. В 1957 г. Институт дал отрицательный отзыв на проект постановления Совета Министров «Об упорядочении лесного хозяйства и лесозащиты в лесах СССР», потребовав его существенной доработки. На предложения об объединении лесного хозяйства с лесной промышленностью и передаче лесного фонда в совнархозы руководители института отвечали, что подобные решения «не обеспечат интересов народного хозяйства страны в целом» [11, л. 21–25; 12].

В апреле 1957 г. руководители бюро ОБН АН СССР направили в институт тезисы доклада Н.С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» и предложили дать соображения по вопросу размещения лесных научных учреждений АН СССР. Эта акция не вызвала у директора В.Н. Сукачева никаких отрицательных эмоций, поскольку предложения по размещению НИУ в соответствии с новым лозунгом партии и правительства — приблизить научно-исследовательские учреждения к районам нового хозяйственного освоения — давали и другие институты. В ответ В.Н. Сукачев предложил восстановить Институт леса в АН УССР, расширить лесохозяйственные исследования в восточных филиалах и оказать им помощь в подготовке кадров через аспирантуру и командирование штатных сотрудников [11, л. 14–16; 12].

Этот ответ не устроил высшие инстанции, и ОБН под нажимом ЦК запросило у Института более развернутые предложения о сети НИУ в связи с задачами усиления научных исследований в восточных районах страны. В июне 1957 г. заместитель директора П.В. Васильев предложил организовать в Сибирском отделении Академии наук отдел лесоведения и лесного хозяйства и подчеркнул, что институт мог бы оказать методическую помощь и выделить для этого научные кадры [11, л. 19–19 об.].

Институт леса продолжал жить обычной жизнью научного учреждения, проводя заседания дирекции, ученого совета, конференции и семинары. Институт координировал работы по проблеме повышения продуктивности леса, рассматривая ее шире, чем увеличение древесной массы, обращая внимание на другие (почвенные, климатические) факторы. Обсуждение острых проблем проходило на совещаниях, конференциях всесоюзного ранга, систематически проводившихся институтом с участием зарубежных ученых. Авторитет института, его ученого совета среди научной общественности был очень высоким. В немалой степени этому способствовали выступления на его заседаниях крупных зарубежных и отечественных ученых, в том числе и тех, кто был не в чести у официальных властей [28, с. 4–5].

В декабре 1957 г. по личному приглашению В.Н. Сукачева в институте выступил выдающийся генетик Н.В. Тимофеев-Ресовский с докладом «Об уточнении основных понятий в биогеоценологии и их классификации». Научные интересы Николая Владимировича в тот период стали смещаться в сторону глобальных общебиологических проблем и нашли самый живой интерес в коллективе Сукачева. На научном собрании сотрудников института (присутствовало 80 чел.) доклад получил высокую оценку. В.Н. Сукачев подчеркнул в заключительном слове, что «теоретические положения и исследования Н.В. Тимофеева-Ресовского являются очень важными» [13]. 17 марта 1958 г. на научном собрании сотрудников института (присутствовало 95 чел.) был заслушан второй доклад Тимофеева-Ресовского «Ионизирующее излучение в экспериментальной биогеоценологии» [14, л. 18].

Зная об отношении лысенковцев к Тимофееву-Ресовскому, надо было иметь большое гражданское мужество, чтобы пригласить этого ученого сделать доклады в институте. Обо всех лицах и организациях, с которыми контактировал Тимофеев-Ресовский, лысенковцы сразу же сообщали в «компетентные органы». При этом почему-то часто фамилию ученого писали «Тимофеев-Риссовский» и называли его не иначе как предателем Родины [30].

Между тем противостояние В.Н. Сукачева и Т.Д. Лысенко вступило в решающую фазу. 8 декабря 1957 г. в «Правде» и «Известиях» появилась статья Лысенко «Теоретические успехи агрономической

биологии». В.Н. Сукачев и редактируемые им журналы обвинялись в том, что они «скатились на антиматериалистические позиции». Давались ссылки на нового кумира — Н.С. Хрущева, заявлявшего, что теоретические и научные споры «следует решать на полях». По поручению Совета Всесоюзного ботанического общества ответ на выпады Лысенко подготовил Д.В. Лебедев, и его текст, содержащий фразы о «фактической необоснованности, теоретической несостоятельности и практической бесплодности» лысенковской концепции, был размещен в контрольном экземпляре «Ботанического журнала» (1957, № 2). Однако в ЦК КПСС запретили печатать этот материал, и основной тираж журнала вышел без статьи Д.В. Лебедева [24, с. 269]. Объяснить это можно тем обстоятельством, что в данном случае против линии партии выступало не отдельное лицо и даже не редакционный коллектив, а официальное представительство сообщества биологов.

В начале 1958 г. в Институте леса работала комиссия из ОБН АН СССР и ЦК КПСС, которая сделала вывод с уже знакомой формулировкой, что институт слабо осуществляет ведущую функцию в своей области знаний. В апреле 1957 г. руководство Института предложило для усиления ведущей роли Института леса как главного научно-исследовательского центра лесной науки в СССР провести в 1958–1959 гг. методические совещания по вопросам лесного почвоведения, болотоведения, лесной гидрологии, полезащитного лесоразведения, физиологии древесных пород. На этих совещаниях Институт предлагал наметить основные пути развития соответствующих отраслей науки и разработать методику исследований с учетом конкретных условий различных регионов страны. По основным научным проблемам Институт был готов провести координацию работ с филиалами Академии наук СССР, отраслевыми институтами и соответствующими вузами [15, л. 24-25].

В докладе В.Н. Сукачева были сформулированы основные задачи института: «1. Разработка теории лесных наук с учетом достижений физических и химических наук; 2. Наряду с разработкой теоретических вопросов должны изучаться крупные проблемы, требующие высокой квалификации. При этом необходимо иметь в виду, что в настоящее время биологические науки *отстают в развитии по сравнению с техническими науками*» (выделено мной. — Н.К.) [15, л. 27]. Из этих документов явствует, что Институт леса без ложной скромности осознавал себя ведущим институтом страны по проблемам лесоведения и видел основную задачу в координации исследований и развитии междисциплинарных направлений. Никаких признаков того, что Институт хотел бы вести исследования где-нибудь подальше от Москвы, например, в Сибири, в документах начала 1958 г. не прослеживается.

Тем не менее от Института леса настойчиво требовали новых предложений о развитии НИУ на периферии. Высказанное ранее руководством предложение о создании в СО АН СССР отдела лесоведения и лесного хозяйства не удовлетворило вышестоящие инстанции. Они ссылались на последние решения партии и правительства о необходимости развития лесной науки в восточных районах страны, в которых намечавшийся подъем экономики должен был сопровождаться интенсивным использованием природных ресурсов, в том числе и лесных. Институту леса предписывалось инициировать в Сибири организацию нового НИУ лесного профиля, определить его местонахождение и оказать необходимую методическую и кадровую помощь.

Никто не мог предположить, что судьба института скоро резко изменится. Комиссия, созданная из сотрудников Института леса во главе с А.Б. Жуковым для выбора лучшего местонахождения родственного сибирского института, фактически определила город для своей будущей ссылки. В феврале 1958 г. комиссия доложила ученому совету, что наиболее подходящим местом для создания нового института лесного профиля в Сибирском отделении является г. Красноярск [21, л. 8].

Интересно, что ни от руководителей Красноярского края, ни от руководства Сибирского отделения АН СССР не поступало просьб о создании института лесного профиля. В июне 1957 г. Красноярский крайком КПСС обратился в ЦК с просьбой предусмотреть организацию в Красноярске трех академических институтов: Ядерной физики, Цветных металлов, Природных соединений. Когда с этой заявкой ЦК ознакомил М.А. Лаврентьева, председателя Сибирского отделения, тот ответил, что «в ближайшие 2–3 года будет затруднительно одновременно с созданием 13 институтов в г. Новосибирске создавать еще 3 института в г. Красноярске» [34].

Давление партийных инстанций вынудило Институт леса взять на себя обязательства по созданию нового института в Сибири. Сделав В.Н. Сукачева ответственным за этот почин, с него стали требовать прописать научные направления нового НИУ, более приближенные к запросам практики, а также выделить группу сотрудников, которая бы поехала организовывать этот институт в Сибири. В начале сентября 1958 г. на заседании дирекции Института леса были заслушаны предварительные суждения по этому вопросу. «Постановили: считать целесообразным организовать институт в Красноярске, поскольку в этом городе могут предоставить помещение для института, а также квартиры для научных сотрудников. В составе института желательно организовать следующие отделы: 1) лесоведения; 2) лесоводства; 3) лесной экономики или организации лесного хозяйства; 4) лесных культур и защитного лесоразведения; 5) защиты леса; 6) древесиноведения» [15, л. 67].

Инициативная группа института во главе с энергичным доктором сельскохозяйственных наук Анатолием Борисовичем Жуковым несколько раз побывала в Новосибирске и Красноярске, решая организационные вопросы нового НИУ. В ноябре дирекция Института леса в очередной раз заслушала информацию А.Б. Жукова о работе его комиссии и просила в ближайшее время сформулировать предложения о задачах вновь организуемого учреждения, его структуре, предварительном проблемном плане работ на 1959 г., о строительстве служебных и жилых помещений [15, л. 76]. Как видно из документов, в сентябре-ноябре 1958 г. речь шла об организации нового научно-исследовательского учреждения в Сибири, которому Институт леса готов оказывать помощь, а не о перемещении самого его в Красноярск.

Нетрудно догадаться, что готовился очередной закулисный сценарий наступления Лысенко на своих противников. Для начала он опять опубликовал несколько провокационных статей в журналах «Агробиология» и «Вопросы философии», чтобы вызвать ответ оппонентов. Так и случилось. В «Ботаническом журнале» (1958, № 8) появилась редакционная статья, озаглавленная «О некоторых проблемах советской биологии (По поводу статьи Т.Д. Лысенко “За материализм в биологии”»». Статью отличал резкий тон, в ней анализировалось, каким образом сторонники Лысенко «решают на полях научные споры». Делался вывод, что методы, которые могли бы привести к успехам в сельском хозяйстве, были загублены сторонниками Лысенко и отметились «после испытаний на полях» [24, с. 269].

Близкое окружение подсказало Хрущеву, что эта публикация направлена не только против Лысенко, но и против первого лица государства. Известно, что Никита Сергеевич обладал вспыльчивым характером. Обычно сигналом для начала расправы служила передовая статья в газете «Правда», в которой намечалась будущая жертва.

Статья под названием «Об агробиологической науке и ложных позициях “Ботанического журнала”» появилась 14 декабря 1958 г. В ней говорилось,

«
», «
»

». На начавшемся следом декабрьском пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев бросил реплику, что «в редакции “Ботанического журнала” засели враги мичуринской биологии и состав ее надо пересмотреть». Это и стало причиной замены редколлегии журнала по главе с В.Н. Сукачевым на сторонников Т.Д. Лысенко [24, с. 270].

Решение о переводе Института леса в Сибирь было принято 12 декабря, всего за несколько дней до выхода статьи в газете «Правда». Очевидно, что документы готовились одновременно — и о замене

редколлегии «Ботанического журнала», и о переводе Института леса — и были направлены против академика Сукачева. Он чувствовал, что над ним сгущаются тучи. В письме от 4 декабря 1958 г. Владимир Николаевич писал: «...последние события заставляют очень тревожиться за судьбу нашего направления (биогеоценологического. — *Н.К.*). Сейчас опять все неопределенно... Много портят некоторые наши лесоводы, которые ничего не понимают в нашем направлении, мыслят формулами пятидесятилетней давности, да к тому же ведут малочестную игру. Поэтому как следует не с кем обсудить все сложные вопросы. Я за последние десять дней чувствую себя очень плохо. Положение вещей бесконечно нервирует. Положение с Институтом крайне серьезное...» [19, с. 203–204].

В отношении академического Института леса могло быть реализовано несколько сценариев: ликвидация и перевод его сотрудников в ведомственные лаборатории; сохранение названия, академического статуса, местонахождения, но при этом замена кадров на сторонников Лысенко (этот сценарий был реализован в отношении Института генетики АН СССР); перевод в вотчину Лысенко — ВАСХНИЛ (как это произошло чуть позже с Почвенным институтом АН СССР); наконец, перемещение в Сибирь, в расчете на то, что В.Н. Сукачев туда не поедет. В решении о перебазировании института, особенно о темпах проведения этой операции, легко просматривалось желание «поставить на место» коллектив и его руководителя академика Сукачева, который использовал свой высокий научный авторитет для разоблачения «новаций» в биологической науке.

Когда определялась судьба Института леса, Сукачеву удалось добиться нескольких компромиссных решений. Чтобы сохранить научные направления и кадры, Сукачев настоял на включении Института леса в состав формирующегося регионального отделения Академии наук, на развитие которого выделялись огромные по тем временам ресурсы [7]. (Время показало, что за счет этого, действительно, удалось сохранить основные научные направления и руководящие кадры.) Для продолжения комплексных работ по лесоведению, начатых Институтом леса в европейской части СССР, Сукачев потребовал организовать академическую Лабораторию лесоведения.

12 декабря 1958 г. Президиум АН СССР принял постановление о включении Института леса в состав Сибирского отделения СО АН СССР путем перевода его из Москвы в Красноярск. Принимая во внимание запросы и особенности лесного хозяйства Сибири и Дальнего Востока, постановление в качестве одной из главных задач института определило «разработку основ рациональной организации лесного хозяйства и эксплуатацию лесов, комплексного использования древесины и продуктов леса, охраны лесов от пожаров и вредителей», то есть

приблизило исследования нового НИУ к запросам практики. В соответствии с новыми направлениями институт переименовали в Институт леса и древесины Сибирского отделения АН СССР, а его директором назначили доктора сельскохозяйственных наук, профессора А.Б. Жукова [27].

25 декабря 1958 г. состоялось последнее собрание сотрудников института. На повестке дня стоял только один вопрос: о переводе Института леса в Красноярск. Строчки протокола собрания бесстрастно зафиксировали эту самую драматическую в истории института и жизни В.Н. Сукачева страницу: «Директор академик В.Н. Сукачев ознакомил собрание с содержанием постановления Президиума АН СССР от 12 декабря 1958 г. № 754 о переводе института в г. Красноярск. Директор института леса и древесины проф. А.Б. Жуков сообщил предварительный проект структуры института и соображения о порядке и сроках перевода сотрудников в Красноярск и ответил на вопросы. Секретарь партийной организации В.А. Баженов дополнительно проинформировал о предполагаемом порядке перевода сотрудников в Красноярск и призвал последних организованно выполнить решение ЦК КПСС и постановление Президиума АН СССР по этому вопросу» [14, л. 57–60].

В 1958 г. академик В.Н. Сукачев был уже человеком достаточно преклонного возраста, чтобы ехать покорять Сибирь. Для него организовали Лабораторию лесоведения как самостоятельное научно-исследовательское учреждение ОБН АН СССР. Конечно, эта Лаборатория с несколькими десятками сотрудников не могла восполнить потенциал, которым обладал Институт леса, особенно после перевода ее из Академии наук в ведомственное подчинение. Только после смещения покровителя Лысенко — Н.С. Хрущева со всех постов и начавшегося развенчания лысенковщины В.Н. Сукачев смог выпустить в свет книгу «Основы лесной биогеоценологии» (1964 г.) и организовать биогеоценологическую лабораторию в Ботаническом институте АН СССР (позднее лаборатория вошла в состав академического Института эволюционной морфологии и экологии животных). Академик Сукачев организовал также Научный совет АН СССР по проблемам биогеоценологии, которым руководил до конца своих дней, поддерживая тесные связи с родным институтом.

В марте 1959 г. бюро президиума Сибирского отделения АН СССР заслушало сообщение нового директора Института леса и древесины А.Б. Жукова о ходе перебазирования в Красноярск и наметило меры по оказанию помощи институту [20, с. 133]. При переводе удалось сохранить основные руководящие кадры, хотя значительная часть квалифицированных специалистов старшего поколения осталась в Москве. Из зачисленных в штат 85 научных работников в

Красноярск переехали 70, в числе которых были доктора наук Н.И. Пьявченко, Г.П. Мотовилов, Л.Ф. Правдин, Е.Я. Судачков, В.В. Попов, В.А. Баженов [2; 28, с. 5]. Эти люди не могли допустить разрушения института, хотя для некоторых из них переезд означал не только культурные, но и семейные потери. В составе коллектива поехали также выпускники вузов Москвы и Ленинграда.

Однако перевод института на новое место и перестройка в его работе оказались более болезненными для сотрудников, чем это представлялось вначале. Многие из них не смогли прижиться в Сибири. В течение нескольких лет институт находился на первом месте в СО АН СССР по оттоку кадров. К 1963 г. в его составе осталось меньше половины прибывших из Москвы ученых. Было решено приглашать специалистов из других городов, шире развернуть работу аспирантуры и готовить кадры в местных вузах. Институту леса удалось не только выдержать испытания, но и получить дальнейшее развитие благодаря традициям и научным направлениям, заложенным академиком Сукачевым; поддержке руководителей Сибирского отделения АН СССР, местных властей и научного сообщества Красноярска¹. В 1967 г. учреждению присвоили имя его основателя, а в 1992 г. — вернули первоначальное название.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В.Я. Трудные годы советской биологии. Записки современника. СПб.: Наука, 1992.
2. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 411. Оп. 57. Д. 257. Л. 8.
3. Афиани В.Ю., Илизаров С.С. «...Мы разгоним к чертовой матери Академию наук» [О выступлении первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на пленуме ЦК КПСС 11 июля 1964 г.] // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 1. С. 167–173.
4. Борис Львович Астауров: Очерки, воспоминания, письма, материалы. М.: Наука, 2004.
5. Век Лаврентьева / Отв. ред. Н.Л. Добрецов, Г.И. Марчук. Новосибирск, 2000.

¹ Сейчас Институт леса им. В.Н. Сукачева Сибирского отделения РАН — самое крупное лесобиологическое учреждение в Российской академии наук. В его составе свыше 160 научных сотрудников, в том числе 1 академик РАН, 35 докторов и 94 кандидата наук [37]. В институте сформировался ряд научных школ, охватывающих весь спектр лесобиологических знаний. Свидетельством его признания международным научным сообществом является то, что институт стал членом Международного союза лесных исследовательских учреждений, вошел в число учредителей Международной ассоциации исследователей бореальных лесов, стал основателем Сибирского международного центра экологических исследований бореальных лесов.

6. Владимир Николаевич Сукачев: Очерки и воспоминания. Л.: Наука, 1986.
7. Воспоминания Е.С. Петренко. Записала Н.А. Куперштох. 15.05.1998 г. Красноярск.
8. *Горчаковский П.Л.* Уральский след академика В.Н. Сукачева // Известия УрГУ. Вып. 14: Проблемы образования, науки и культуры. Екатеринбург, 2003. № 27.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р2135. Оп. 1. Д. 330. Л. 1, 3.
10. ГАКК. Ф. Р2135. Оп. 1. Д. 330. Л. 1, 3.
11. ГАКК. Ф. Р2135. Оп. 1. Д. 328.
12. ГАКК. Ф. Р2135. Оп. 1. Д. 330. Л. 83.
13. ГАКК. Ф. Р2135. Оп. 1. Д. 331. Л. 99.
14. ГАКК. Ф. Р2135. Оп. 1. Д. 349.
15. ГАКК. Ф. Р2135. Оп. 1. Д. 350.
16. *Жимулев И.Ф., Дубинина Л.Г.* Новое о «Письме трехсот» — массовом протесте советских ученых против лысенковщины в 1955 г. // Вестник ВОГиС. 2005. Т. 9. № 1. С. 13–33.
17. *Захаров И.К., Шумный В.К.* К 50-летию «Письма трехсот» // Вестник ВОГиС. 2005. Т. 9. № 1. С. 12–13.
18. *Захаров-Гезехус И.А.* Объективность и этика в публикациях по истории генетики // Вестник ВОГиС. 2004. Т. 8. № 3. С. 179–181.
19. *Зонн С.В.* Владимир Николаевич Сукачев: 1880–1967. М.: Наука, 1987.
20. Известия Сибирского отделения АН СССР. 1959. № 3.
21. *Исаев А.С., Рысин Л.П.* Эколог-натуралист. К 125-летию со дня рождения академика В.Н. Сукачева // Вестник РАН. 2005. Т. 75. № 6. С. 538–545.
22. *Капица П.Л.* Письмо И.В. Сталину // Известия ЦК КПСС. 1991. № 2. С. 105–109.
23. *Куперштох Н.А.* Сопроотивление застою в биологии // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № 9. С. 836–841.
24. *Лебедев Д.В.* Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука. Вып. I / Под ред. М.Г. Ярошевского. Л.: Наука, 1991. С. 264–282.
25. *Левина Е.С.* Биоотделения АН СССР и развитие новых направлений экспериментальной биологии (1930–1980-е годы) // Российская академия наук: 275 лет служения России. М.: Янус-К, 1999. С. 608–662.
26. *Музрукова Е.Б., Назаров В.И., Ченоснова Л.В.* Из истории советской генетики: интервью с академиком Н.П. Дубининым // Репрессированная наука. Вып. II / Под ред. М.Г. Ярошевского. СПб., 1994. С. 243–251.
27. Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 48. Л. 14.
28. *Петренко Е.* Первый академический институт леса: Институту леса имени В.Н. Сукачева СО РАН — 50 лет // Наука в Сибири. 1994. № 36. С. 4–5.

29. *Прозументиков М.Ю.* ЦК КПСС и советская наука на рубеже эпох (1952–1953) // За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб., 2002. С. 393–406.
30. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 30. Д. 430. Л. 137–138.
31. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 3. Л. 159–160.
32. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 51. Л. 85–89.
33. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 35. Д. 181. Л. 94–95.
34. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 37. Д. 14. Л. 31, 33.
35. *Сойфер В.Н.* Власть и наука: история разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993.
36. *Соловьев Ю.И.* Молчали не все. Первая публичная отповедь членов АН СССР Т.Д. Лысенко // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 12. С. 1105–1108.
37. Текущий архив Управления кадров Президиума СО РАН. Данные на 1 янв. 2005 г.
38. Уверенно идущие лесной дорогой: беседа академика Е. Ваганова с ветераном института Е. Петренко // Наука в Сибири. 2004. № 31–32. С. 2–3.